

Едва слова сорвались с губ, Чэн Янь осознал, что натворил.

Этот Чу Ван вовсе не был тем покладистым «маленьким цзюньваном», с которым можно было безнаказанно фамильярничать. Насладившись секундным триумфом, он тут же увял — в душе шевельнулось раскаяние: юноша всерьёз опасался, что окончательно вывел соседа из себя.

Чу Ван вошёл в класс лишь спустя несколько минут. На его лице, впрочем, не отразилось ничего особенного. Он выглядел так же, как и всегда — отстранённым, холодным и неприступным, словно живое воплощение девиза «посторонним вход воспрещён».

Прозвенел колокол, созывающий на занятия, и вслед за его затихающим эхом в аудиторию вошёл учитель Даоцин.

Чэн Янь привалился к столу и, подавшись в сторону Чу Вана, вполголоса позвал:

— Эй, ты что, обиделся?

Он уже успел вернуть кисть и чернильницу законному владельцу. Чу Ван достал брусок туши и, низко склонив голову, принялся неспешно её растирать, полностью игнорируя соседа.

Чэн Янь, преданно заглядывая тому в лицо, не унимался:

— Да я же просто пошутил, честное слово! Не нарочно это.

— Чэн Янь! Не смей болтать на уроке! Живо доставай книгу! — Учитель Даоцин, свернув свиток в плотную трубку, чувствительно приложил повесу по затылку.

Тот мгновенно выпрямился. Чу Ван же даже не дрогнул, продолжая методично водить бруском по камню.

Тогда Чэн Янь оторвал узкую полоску рисовой бумаги, обмакнул кисть в тушь и, стараясь подражать своему обычному почерку — нелепому, похожему на следы куриных лап, — нацарапал:

«Прости-прости, не злись на меня ТОТ»

Дождавшись, пока надпись подсохнет, он свернул записку в плотный комочек и ловко забросил её прямо в руки Чу Вану.

Тот, сосредоточенно записывавший лекцию, вздрогнул от неожиданности и метнул в Чэн Яня свирепый взгляд. Впрочем, праведный гнев лишь подчёркивал его безупречные черты, делая лицо ещё более выразительным.

Чэн Янь одними губами проартикулировал:

«От-крой!»

Чу Ван нахмурился и с явным сомнением развернул мятый клочок. Застыв на несколько секунд, он обмакнул кисть и что-то быстро приписал, после чего совершенно открыто, не таясь, положил записку обратно на стол Чэн Яня. Учитель Даоцин души не чаял в своём лучшем ученике, а потому подобные вольности сходили тому с рук.

Чэн Янь схватил бумажку. Под его жалобным «ТОТ» стояла твёрдая черта и приписка: «Что сие означает?»

Полоска бумаги была слишком мала для объяснений, поэтому он оторвал ещё одну и размашисто вывел:

«Это похоже на плачущую рожицу ТОТ. А вот это — =3= — поцелуй. А это — >////< — смущение».

И снова отправил снаряд адресату.

Чу Ван, уже вовсю строчивший в тетради, даже не удостоил его вниманием. Лишь спустя пару минут прилетел ответ — холодный и беспощадный:

«Не похоже».

После этого Чэн Янь, кажется, вошёл во вкус. Почувяв азарт в школьной переписке, он заслал ещё несколько «писем», но Чу Ван больше на них не смотрел. Безответный разговор быстро наскучил, и юноше пришлось смириться.

Едва учитель Даоцин объявил о завершении урока, Чэн Янь мёртвой хваткой вцепился в рукав соседа.

— Послушай...

Чу Ван гневно сверкнул глазами:

— Мало того что ты сам не слушаешь, так ещё и мне мешаешь!

Видя, что тот действительно рассержен, Чэн Янь поспешно разжал пальцы и скорчил жалобную мину:

— Прости. Я просто боялся, что ты затаил обиду и больше не заговоришь со мной.

Чу Ван, ожидавший, что в ответ на его резкость собеседник вспылит, был обескуражен. Чэн Янь вёл себя так, будто у него вовсе не было самолюбия, безропотно принимая чужое раздражение. От этого юноше самому стало неловко — он почувствовал себя вздорным скандалистом.

— Я не обижен, — уже тише произнёс он.

Лицо Чэн Яня тут же просияло:

— Значит, и за то, что я ляпнул перед уроком, ты на меня не в обиде?

Чу Ван только-только начал успокаиваться, но при упоминании недавнего разговора его лицо снова залило краской.

— Не смей... не смей больше так шутить! Ни с кем!

Чэн Янь поспешил заверить:

— Клянусь, я только тебе это говорил!

Чу Ван не поверил ни единому слову. Он отвернулся и буркнул:

— Я для тебя такой же «кто-то», как и все прочие.

— Вовсе нет! — юноша снова потянулся к его рукаву.

Чу Ван, делая вид, что крайне занят сбором книг, оказался в ловушке — вцепляющийся в одежду сосед мешал ему пошевелиться.

— Да что тебе от меня нужно?! — вскинулся он.

Чэн Янь отпустил его и, с улыбкой глядя на пунцовые щёки, решил сменить тему:

— Просто хотел напомнить, чтобы ты не забыл сегодня сделать за меня домашнее задание.

Перед уходом учитель Даоцин поручил составить ритмическую оду на свободную тему.

Чу Ван нахмурился и нехотя кивнул:

— Я помню.

— Можно мне пока в долг? — добавил Чэн Янь. — Мне нужно срочно идти зарабатывать деньги!

Чу Ван лишь недоуменно приподнял бровь.

Попрощавшись, Чэн Янь подхватил корзину с книгами и припустил вниз с горы, к дому. Наставники академии, мечтавшие, чтобы этот оболтус проводил в их стенах как можно меньше времени, без лишних вопросов позволили ему уйти.

Вообще-то, Чэн Янь обещал отцу, Чэн Цайцзюню, что займётся делами лишь после ежемесячных экзаменов. Однако, промаявшись в классе всего день, он примчался домой с криками, что жажда коммерции не терпит отлагательств. Глава семьи не стал возражать — он давно махнул рукой на академические успехи сына, и то, что лоботряс сам изъявил желание заняться чем-то путным, стало для него подарком небес.

Впрочем, тень сомнения всё же закралась в душу старого купца.

— Ты точно не натворил дел в академии? Что это ты так внезапно прибежал? — подозрительно прищурился он.

Обычно ученики, если это не был день отдыха, должны были ночевать в общежитиях при академии. Конечно, прежний Чэн Янь плевать хотел на правила и частенько ускользал по ночам — правда, не в отчий дом, а в кварталы «зелёных теремов» или игорные притоны. Учителя предпочитали закрывать на это глаза, пока не ловили его за руку.

Юноша энергично затряс головой:

— Сегодня до меня внезапно дошло: тратить деньги легко, а зарабатывать — великий труд. Учиться коммерции нужно немедленно!

Чэн Цайцзюнь растроганно погладил бороду:

— Сын мой, неужто ты наконец повзрослел?!

— Конечно, — подхватил Чэн Янь. — А то, когда вы состаритесь и у вас не останется сил

пополнять казну, ваш покорный слуга рискует пойти по миру с протянутой рукой.

Лицо Чэн Цайцзюня окаменело.

— Ты что, решил свести отца в могилу раньше срока?! — взревел он, хватаясь за сердце.

В конце концов, он всё же выдал Чэн Яню амбарные книги одного из ресторанов и начал объяснять азы бухгалтерии. Сын бегло просмотрел записи и безапелляционно заявил:

— Эта система ведения счетов никуда не годится. Она крайне неудобна.

Отец отвесил ему лёгкий подзатылок:

— Ты сначала все иероглифы выучи, прежде чем порядки наводить!

— Да ты во мне сомневаешься?! — возмутился Чэн Янь. — Я же твой... гениальный папаша! То есть, гений! В этих книгах нет классификации по статьям расходов, нет ежедневной статистики... Всё свалено в кучу, найти что-то — целая мука.

Чэн Цайцзюнь, застрывший на сомнительном обращении, воинственно топорщил усы:

— Кто тут кому папаша?! Я тебе покажу, кто в доме главный!

После недолгой перепалки Чэн Янь торжественно пообещал за три дня разработать систему учёта, которая будет на голову выше прежней. Глава семьи, обрадованный тем, что у сына наконец-то проснулось хоть какое-то рвение, кивнул:

— Хорошо. Если у тебя получится и новый метод меня устроит, проси какую хочешь награду.

Сын хитро прищурился:

— Если я справлюсь, позвольте мне заняться закупками для ресторана. Хочу полностью взять это направление на себя.

Поразмыслив, Чэн Цайцзюнь согласился.

Чэн Янь утащил книги в свою комнату и всю ночь просидел при свечах, готовясь явить миру своё мастерство. Разумеется, дописать всё он не успел, зато на следующее утро явился в академию с тёмными кругами под глазами и в состоянии крайнего изнурения. «Эх, — тоскливо думал он, — был бы я по-прежнему бестелесной системой, мог бы не спать неделями, и хоть бы хны».

Едва влетев в класс под звон колокола, он привалился к столу, намереваясь вздремнуть, как вдруг прогремел голос учителя Даоцина:

— Чэн Янь! Встань и зачитай своё вчерашнее задание!

Тот, пошатываясь, поднялся. Учитель вложил ему в руки лист бумаги и, холодно хмыкнув, скомандовал:

— Читай!

Чэн Янь развернул листок и уставился на знакомые — и в то же время пугающе чужие — каракули. Когда это он успел такое написать?

— Хо-холодные... горы... — запинаясь, начал он читать незнакомую оду.

На третьем слове учитель Даоцин оглушительно хмыкнул и оборвал его:

— Скажи мне, бездельник, хоть одно слово здесь написано тобой лично? Ты даже собственные стихи читаешь с трудом!

Чэн Янь помолчал несколько секунд и честно ответил:

— Полагаю, имя в конце я вывел сам.

Класс взорвался дружным хохотом. Учитель, тяжело дыша от возмущения, ткнул пальцем в сторону скамьи:

— Сядь немедленно!

Юноша плюхнулся на место и сладко зевнул. Слишком хотелось спать. Почерк, который Чу Ван так искусно подделал под его «куриную лапу», оказался чересчур достоверным — Чэн Янь едва распознал первые три слова.

После урока Чу Ван с негодованием прошептал:

— Почему ты опоздал? Я специально сделал за тебя работу пораньше, чтобы ты успел с ней ознакомиться перед сдачей!

Чэн Янь, который проспал половину занятия, а вторую тайком дописывал бухгалтерские таблицы, уже немного пришёл в себя.

— Прости, я вчера всю ночь воевал при свечах, вот и проспал. В следующий раз приду заранее, чтобы мы успели сверить показания.

Чу Ван смерил его подозрительным взглядом:

— «Воевал», говоришь? Небось в публичном доме пропадал? Вид у тебя характерный: ноги подкашиваются, пот градом, а под глазами синяки... Сразу видно, чем ты там занимался.

— Да как ты мог такое подумать?! — притворно ужаснулся Чэн Янь. — Я в такие места ни ногой!

Чу Ван лишь разозлился ещё сильнее:

— Ещё как «ногой»! Ты... ты даже слухи распустил, будто мы с тобой... будто мы ходили туда вместе!

Чэн Янь поспешил извиниться, хотя в его голосе не было ни капли раскаяния:

— Виноват, каюсь. Просто шутка. Но если хочешь, можем сходить как-нибудь вместе, чтобы подтвердить слухи делом.

Чу Ван лишился дара речи. Спустя мгновение он, скрежеща зубами, выдавил:

— Проваливай!

Его сосед тут же притих.

Но спустя какое-то время Чу Ван не выдержал и сам заговорил с ним, на этот раз серьёзно:

— Чэн Янь... Твой почерк вовсе не такой безобразный. И ты вовсе не безграмотный неуч. Ты ведь просто скрываешь свои таланты, верно?

<http://bllate.org/book/15870/1442040>